

КАУТСКИЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ
КАРЛА МАРКСА

Предисловие А.В. Цветкова

Карл Каутский
Экономическое учение
Карла Маркса. С
современными комментариями
Серия «Всемирное наследие»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66549550

Экономическое учение Карла Маркса: Издательство АСТ; М.; 2019

ISBN 978-5-17-22682-4

Аннотация

Немецкий экономист, историк, теоретик марксизма Карл Каутский, желая сделать «Капитал» К. Маркса популярным и более доступным для широкого читателя, в 80-е годы XIX века пишет книгу «Экономическое учение Карла Маркса». В ней он объясняет его оригинальные идеи и термины, иллюстрирует свои рассуждения наглядными примерами, а также дает систему базовых понятий, разделив свой труд на три части: от товарно-денежной матрицы к загадке прибавочной стоимости и потом уже к пониманию прибыли и зарплаты. И действительно, книга имела большой успех: для многих толкование Каутского стало идеальной заменой «Капитала» и достаточным экскурсом в мир

марксистской политэкономии. Его работа не потеряла своей актуальности и в наше время.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Кабинетный мечтатель и теоретик марксизма	6
Шаги и даты	7
Идеи и тексты	14
Советский вопрос	25
Отдел первый. Товар, деньги, капитал	43
Глава первая. Товар	43
1. Характерное отличие товарного производства	43
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Карл Каутский

Экономическое

учение Карла Маркса

© А.В. Цветков, предисловие, 2021

© В.Г. Квачев, комментарии, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Кабинетный мечтатель и теоретик марксизма

«Эрфуртская программа, марксистские пропилены, рано, слишком рано приучили вы дух к стройности, но мне и многим другим дали ощущение жизни в предысторические годы, когда жизнь жаждет единства и стройности, когда выпрямляется позвоночник века, когда сердцу нужнее всего красная кровь аорты!

Разве Каутский – Тютчев? Разве дано ему вызывать космические ощущения? А представьте, что для известного возраста и мгновения Каутский тот же Тютчев, то есть источник космической радости, податель сильного и стройного мироощущения, мыслящий тростник и покров, накинутый над бездной».

Мандельштам О. «Эрфуртская программа»

Шаги и даты

Карл Каутский родился в богемной семье. Его отец был чешским театральным художником, а мать – актрисой, впоследствии ставшей писательницей.

С 1874 по 1879 год он учится в Венском университете. Сфера интересов амбициозного студента – история, экономика, юриспруденция. Тогда же он примыкает к социалистам.

В студенческие годы Каутский – дарвинист и лассальянец. Фердинанда Лассалья изображали тогда на плакатах как бесстрашного рыцаря справедливости с красным знаменем, опирающегося ногами свергнутого золотого тельца. Но Лассаль был вовсе не самым радикальным революционером тех лет и вполне допускал, что в бесклассовое будущее можно двигаться путем реформ и постепенных уступок. Маркс критиковал Лассалья за эту уступчивость («Критика Готской программы»), видя в ней философскую и политическую близорукость.

Впоследствии Каутский будет бороться с этим призраком реформизма в себе и, по мнению многих, в итоге сдастся на его милость.

В 1880 году он перебирается в Цюрих, где знакомится с Эдуардом Бернштейном. Их свяжут долгие годы дружбы и полемики.

В 1881-м в Лондоне Каутский близко знакомится с Марксом и Энгельсом. Энгельс очарован молодым социалистом и приближает его к себе, тогда как Маркс оценил возможности Каутского гораздо скромнее и считал, что ему пока недостает оригинальности мышления и он не изжил в себе обывательский способ думать.

С 1883 года Каутский становится редактором журнала «Die Neue Zeit», который под его руководством делается главным марксистским изданием Европы и будет удерживать этот статус более тридцати лет.

В конце 1880-х под дружеским руководством Энгельса Каутский вместе со своими ближайшими товарищами (Бернштейн, Лафарг, Гуго) пишет ряд исторических работ о предтечах социализма – Томасе Море, коммунистических сектах, ересь и милленаристских движениях всех эпох.

В 1887 году он заканчивает «Экономическое учение Карла Маркса» – популярный пересказ «Капитала», желая сделать эту книгу более доступной.

В 1889-м Энгельс учит Каутского разбирать почерк Маркса, чтобы он продолжил работу с архивом после смерти самого Энгельса.

В 1890-м Каутский расстается со своей первой женой Луизой, но сохраняет с ней дружеские отношения, тем более что в 1891 году она становится секретарем Энгельса.

В том же году Каутский пишет вместе с Бернштейном «Эрфуртскую программу» для партии немецких социали-

стов (СДПГ) без прежнего лассальянства и с учетом «Критики Готской программы» Маркса, которая как раз опубликована по этому случаю.

«Эрфуртская программа» надолго становится образцом для социал-демократов всего мира. Каутский отвечает там за теорию и стратегию, а Бернштейн за ближайшую практику и тактику. И уже заметно, что Бернштейн гораздо больший реформист, чем его соавтор.

1891 – переломный год. В Германии сняли запрет для социалистов заниматься парламентской политикой. Запрет этот был введен Бисмарком в 1878 году (после покушений на императора Вильгельма) и вот наконец отменен парламентом. Это означает, что марксисты могут теперь проверить себя в легальной политической игре. Вскоре СДПГ станет вполне влиятельной парламентской партией.

В 1895 году Энгельс завещает Каутскому продолжать работу над рукописями Маркса, а также над собственным архивом. К этому моменту Каутский – один из главных идеологов Второго интернационала, призванного подготовить весь мир к международной революции трудящихся.

В 1899-м он пишет «Аграрный вопрос» – обзор тенденций современного автору сельского хозяйства. Ленин хвалит эту книгу и говорит, что она написана на уровне «Капитала». А вот Сергей Булгаков в журнале «Начало» весьма критически разбирает ее.

В том же 1899 году Каутский выступает с критикой сво-

его товарища Бернштейна, подвергнувшего марксизм ревизии и усомнившегося в некоторых его базовых положениях (обнищание масс, концентрация производств). Теперь в партии отчетливо видны два полюса – ортодоксальный и ревизионистский.

Ленин вместе с Крупской переводят на русский его брошюру, направленную против Бернштейна. В ней Каутский делает акцент скорее на социальной, чем на политической революции.

В 1902-м его статья «Славяне и революция» публикуется в «Искре». Там Каутский допускает, что следующая социалистическая революция может начаться именно в России.

В 1905-м он публикует в своей редакции так называемый четвертый том «Капитала» Маркса, более известный как «Теории прибавочной стоимости».

Тогда же Каутский приветствует революцию в России и отмечает, что это первая революция такого масштаба со столь выраженным пролетарским участием.

В 1907 году Ленин переводит его статью «Движущие силы и перспективы русской революции».

Роза Люксембург предлагает использовать опыт первой русской революции в немецких условиях и готовить германских рабочих к всеобщей стачке. Каутскому такой план представляется не вполне реалистичным в данных обстоятельствах. Он также считает предложенный Люксембург лозунг упразднения монархии и установления республики

опасным для партии и преждевременным.

В том же 1907-м он пишет «Патриотизм и социал-демократию» к конгрессу Второго интернационала в Штутгарте. В идеале в статье предлагается заменить регулярную армию народной милицией.

В 1909 году Каутский публикует брошюру «Путь к власти. (Политические очерки о вращении в революцию)», где сказано, что неизбежная мировая война откроет ворота революции для европейского пролетариата.

В 1910-х годах, накануне войны, Каутский окончательно расходится с лево-радикалами (Люксембург, Либкнехт) внутри собственной партии.

Теперь у него репутация осторожного и умеренного мэтра. Он видит свою задачу в том, чтобы, находясь в центре, удержать в едином партийном поле всех социал-демократов от революционных романтиков до самых осторожных сторонников компромисса и коалиции. Впрочем, в нем самом видят скорее теоретика, чем вождя.

В 1912-м леворадикальное крыло формулирует дилемму момента: «империализм или социализм?». Каутский же предлагает другой выбор: «разоружение или война?». По его мнению, общей политикой всех левых в Европе должны стать требования демилитаризации и свертывание гонки вооружений. Только так можно избежать мировой войны.

Он призывает к созданию общего антивоенного фронта самых разных политических сил, в котором организованный

пролетариат сыграет ведущую роль. Многими такие призывы воспринимаются как прекраснородушный морализм левого пацифиста, которому не найдется места в близком столкновении крупнейших держав.

В 1914 году Каутский допускает голосование СДПГ за военные кредиты при условии, что правительство гарантирует исключительно оборонительный характер участия Германии в войне и скорейшее стремление к безусловному миру. Это мнение шокирует многих радикалов, для которых поддержка военных кредитов не приемлема ни на каких условиях.

В 1917-м он выходит из партии (вместе с Бернштейном) и оставляет пост редактора «Die Neue Zeit». Каутский попытается создать собственную партию (НСДПГ), более последовательную и соответствующую условиям уже назревшей немецкой революции. Но через два года он вернется в СДПГ, потому что ничего лучше создать не удалось, а революция завершилась. Часть тех, кто покинул СДПГ вместе с ним, вскоре примкнул к немецким коммунистам (КПГ).

Непосредственно во время немецкой революции Каутский работает в новом правительстве, расследуя военные преступления прежнего режима.

После 1918 года он много критикует эксперимент большевиков в России, окончательно порывая с ними и однозначно встав на сторону меньшевиков. Ленин и Троцкий отвечают на его критику и обвиняют его в предательстве интересов трудящихся.

В 1925-м Каутский – соавтор новой программы СДПГ, заметно более умеренной и эволюционистской в сравнении с предыдущей. Сказалось окончательное размежевание с коммунистами и возникновение КПП.

В 1927–1929 годах он работает над двухтомником «Материалистического понимания истории», который должен стать его теоретическим завещанием.

После прихода к власти нацистов книги Каутского сжигают на площадях вместе с сочинениями других социалистов и гуманистов.

Каутский скрывается от новой немецкой власти сначала в Вене, потом в Праге и наконец в Амстердаме, где и закончится его жизнь в 1938 году.

Его последняя работа называется «Социализм и война» (1937) и в ней он продолжает развивать идеи социалистического пацифизма.

Вторая жена Каутского Луиза, ближайшая сподвижница Розы Люксембург, умерла в Освенциме. Их сын Бенедикт провел семь лет в нацистских лагерях, но выжил. После войны он опубликовал письма Розы Люксембург, собранные его матерью, и работал над партийной программой новой немецкой социал-демократии (возрожденной СДПГ).

Идеи и тексты

Каутский не был страстным оратором и трибуном, предпочитая работать в кабинете. И сделал он – автор десятков книг и брошюр, редактор журнала, лектор – удивительно много, проявляя завидную работоспособность. Попробуем описать хотя бы некоторые из его самых известных текстов и выступлений.

1

В 1880-х годах Каутский вместе со своими ближайшими единомышленниками работает над обширной «Историей социализма» и рисует монументальное полотно, историческую батальную фреску, где сменяют друг друга крестьянские войны, революционные секты и харизматичные лидеры-уравнители – «герои духа и меча, боровшиеся за уничтожение всякой эксплуатации». По большому счету это история мира и человеческой мысли как история попыток построить и представить социализм в домарксистский его период начиная со времен Платона и заканчивая американскими коммунистическими общинами середины XIX века.

Каутский находит у социалистической традиции два корня: отвлеченно-утопический коммунизм аристократии, мысленно вышедшей далеко за пределы интересов своего клас-

са, и народный «коммунизм равенства» у анабаптистов, таборитов, других дерзких еретиков и милленаристов.

Впоследствии это станет его любимым риторическим приемом – обозначить внутри обсуждаемого явления два противоположных начала и от них стремиться к центру как компромиссу и решению противоречия.

2

Чтобы понять «Капитал», Каутский сначала штудирует «Анти-Дюринг» своего старшего друга и учителя Энгельса, присоединяется к его позитивизму и вслед за ним делает акцент на рассмотрении социальных явлений как продолжения органической природы.

Он уверен, что человеческий организм достигнет своего предельного развития в бесклассовом обществе.

Даже в Эрфуртской программе, конкретно политическом тексте, Каутский делает акцент на том, что социалистическое будущее наступит «с естественной необходимостью».

В своей комментарии к этой программе Каутский рассматривает генезис капитализма и агонию мелкого производства, технологический рост как средство расширения рынка, неизбежность безработицы и обострения классовой борьбы, негативный отбор как результат рыночной конкуренции, финальную и предельную концентрацию капитала в одних руках и революционный вопрос о превращении капи-

талистической экономики в социалистическую.

Наемный труд стал основной формой занятости, и задача теперь – превратить каждого рабочего в предпринимателя, но не в капиталиста. Свободная работа будет облагораживать, а не отуплять и обесмысливать жизнь.

Тот, кто живет в трущобах и строит дворцы, должен осознать свою борьбу как борьбу всего класса в целом.

Невозможно заранее нарисовать точный план социализма. Но стоит знать, что программы всех остальных партий – это рецепты, как избежать социализма.

В качестве первоначальных мер Каутский предлагает всеобщее избирательное право, бесплатные светские школы и прогрессивную налоговую шкалу.

Энгельс отмечает, что ближайшие требования могли бы быть и более решительными, но в целом одобряет программу.

Немецкие социалисты эпохи Второго интернационала признавали марксистскую стратегическую программу (Каутский), максимально сосредотачиваясь при этом на все более умеренной политической тактике (Бернштейн). Это был относительно мирный период истории капитализма.

3

В 1895 году в своей статье «Интеллигенция и социал-демократия» Каутский утверждает, что интеллигенция при ка-

питализме будет расти и хотя она неизбежно склонна культивировать свою отдельность и умственное превосходство, многие новые ее слои имеют шанс примкнуть к организованному пролетариату в классовой борьбе. Каутский предлагает прежде всего обращать внимание на студентов.

Интересно, что Троцкий через несколько лет высказался на ту же тему гораздо более скептически («Интеллигенция и социализм»), предположив, что основная часть интеллигенции в классовом обществе всегда будет стремиться в объятия правящего класса и потому массового притока интеллигентов в революционную партию ждать не следует.

4

С 1899 года Каутский спорит с Бернштейном: предсказанное Марксом обнищание работников все же есть, но оно относительное (пропорциональное), а не абсолютное.

Бернштейн начнет культивировать парламентскую демократию как идеальное средство реализации интересов трудящихся. Каутский будет его критиковать, но лет через пятнадцать сам встанет на схожие позиции. Ощутимо, что на рубеже веков он спорит не столько с Бернштейном, сколько с самим собой, пытаясь сохранить верность прежней марксистской ортодоксии и подавляя реформистские соблазны.

В «Этике и материалистическом понимании истории» (1906) Каутский задается вопросом: откуда берется нравственный закон внутри нас?

Он пишет собственную генеалогию морали, начиная с греко-персидских войн.

Натурфилософия изначально имела дело с жестко детерминированными явлениями природы, тогда как выделившаяся из нее философия впервые занялась человеком, как существом, обладающим высоким уровнем свободы выбора.

У Эпикура этика выводится из нашего стремления к удовольствию и благу, нужно только правильно расставить приоритеты этих удовольствий от низших к высшим. Конкурирующая точка зрения (Платон, а позже Плотин) – нравственность имеет внеприродный сверхъестественный источник и не может быть выведена из естественных потребностей человека.

По Каутскому, в элитарном сознании сверхприродный дух господствует над материей, как аристократ господствует над рабочей массой и так закладывается основа для будущего монотеизма с его неизбежной демонизацией и низших социальных классов и материального мира как такового. Отличие монотеизма от многобожия в том, что бог монотеизма это прежде всего этический источник, нравственное начало,

а не просто творец природы.

Платон и Эпикур – это противоположные полюса и между ними можно расположить всю историю человеческой этики: стоицизм, христианство, учение Спинозы, французских просветителей, Адама Смита, Канта, Дарвина с его борьбой за существование.

Дарвин объясняет происхождение социальных инстинктов, из которых разовьются высокие человеческие добродетели.

Конечно, для Каутского спор об этике это не просто конкуренция школ и объяснительных моделей. Он делает акцент на том, каким именно классам общества (социальным слоям, группам, коллективным игрокам) соответствует каждая из названных этических систем. То есть рационализацией и оправданием чьего положения является любой моральный кодекс? Нравственный идеал есть особое орудие в отношениях между классами.

Каутский рассуждает о становлении и развитии нравственных идей как исторический материалист. Его любимый жанр – экскурс марксистского просветителя в историю вопроса.

Вся вторая часть книги – попытка сформулировать этику, необходимую новому поднимающемуся классу пролетариев. С производства самих средств производства начинается именно человеческая история и человек выделяется за пределы животного мира. Иначе говоря, человек становится

человеком с того момента и в той мере, когда он начинает создавать вокруг себя свой собственный новый антропогенный мир, чем дальше, тем больше отличающийся от первичных условий нашего существования. Появляется разделение труда, техника, язык как система понятий и способ наследования знаний и навыков.

Каутский не забывает о пацифизме, подчеркивая, что из всех живых существ только человек уничтожает в таких количествах себе подобных и что виной тому классовый характер власти в человеческом обществе.

Он видит дальнейшую социальную эволюцию в постоянном расширении границ того сообщества, внутри которого действуют единые нравственные правила. Этот процесс выходит за пределы конкретной общины, нации, государства, расы и обещает достигнуть границ всего человечества. Это должно происходить параллельно с развитием мирового рынка и совершенствованием средств коммуникации.

Каутский напоминает, что всегда, говоря о морали, нужно держать в уме, что любое моральное требование есть производное от исторически конкретных общественных отношений, а сами эти отношения непрерывно меняются, подчиняясь логике развития нашего производства и обмена.

Материалистическая этика начинается с признания безнравственности самого существования буржуазии, т.е. владельцев капитала и частных собственников средств производства.

И только этика, основанная на марксистской теории, гарантирует снятие противоречий и в отношениях между народами, и в отношениях между полами.

Уже тогда феминистская нота в сочинениях Каутского начинает звучать рядом с пацифистской.

6

В 1890-х годах он берется за колониальный вопрос. Старая колониальная политика (XV–XVIII века) хотя бы отчасти оправдывается общей исторической логикой роста мирового капитала. Новая же политика колониальных держав имеет гораздо меньше оправданий даже с точки зрения общего промышленного развития и служит теперь скорее бюрократии, военной элите, церковникам и финансовой олигархии. Чем дальше, тем более реакционной будет колониальная политика европейских государств.

Каутский вводит типологию колоний, градируя их от эксплуататорских (основной доход за счет грабежа аборигенов) до рабочих, куда нужно ввозить трудовые ресурсы переселенцев для выгодной хозяевам работы на земле.

При этом он полемизирует с Люксембург о степени готовности колониальных народов к успешному освобождению и обретению государственной суверенности.

В 1914 году он выступает с теорией «ультраимпериализма». «Свободная торговля» прежних лет неизбежно приво-

дит к тому, что промышленное производство сосредоточено в одних странах, а аграрное – в других. Большие группы менее развитых стран надолго попадают в финансовую, политическую и военную зависимость от более развитых. Весьма вероятно, что после мировой войны капитализм на неопределенный срок войдет в новое состояние, которое Каутский и называет «ультраимпериализмом». По сути это будет планетарный картельный сговор крупнейших капиталистов мира, позволяющий впредь избегать мировых войн и следующих из них революционных катастроф.

Тут Каутский принципиально расходится с Лениным, который видит в мировой войне пролог к неизбежному краху мировой капиталистической системы.

Ультраимпериализм держится на соглашении элит. По прогнозу Каутского мировой финансовый центр, планетарная элита станет глобальной и уже не будет связана ни с какими конкретными государствами. Корпорации могут стать сильнее государств и сгладить ряд противоречий, ведущих к мировым войнам. Несущие структуры все более глобального капитализма будут выглядеть как Соединенные Штаты Европы. Трудно не заметить, что до некоторой степени этот прогноз сбился, но после двух мировых войн, а также после исчезновения советского блока в 1991 году.

Война будет для Каутского центральной темой всю его жизнь. Война как очень специфическая форма производственной деятельности с совершенно особой шкалой оценки

произведенного труда.

Даже в ранних своих работах он подчеркивал особую роль завоеваний в возникновении первых устойчивых государств.

7

После мировой войны Каутский позиционирует себя как пролетарский демократ, верящий в то, что можно будет выкупать у буржуазии предприятия и переводить их в коллективную собственность рабочих.

Марксистский детерминизм развития производств подерживал его уверенность в политическом прогрессе, который должен выглядеть как развитие и рост демократии, неизбежно ведущей к социализму.

Проект Каутского можно сформулировать так: обобществление средств производства, но сохранение при этом всех политических атрибутов демократии.

Особенно важно, чтобы эта демократия развивалась и на самих предприятиях, где, организованные в свободные профсоюзы, рабочие должны получить доступ к управлению и планированию производства.

Для Каутского марксистская партия – это педагог, а не авангард. Он уточняет, что социал-демократия – революционная партия, но не партия, устраивающая революции. То есть партия политически выражает степень организованности и уровень классового сознания трудящихся, но не явля-

ется волевым организатором и направителем, ведущей за собой и уверенной в себе силой, как это будет у Ленина и большевиков.

По Каутскому, марксисты должны создать свои воспроизводящиеся институты, как это сделали христиане в свое время. На неопределенный срок их партия должна стать своеобразной атеистической церковью для наемных работников всего мира.

Он приветствует и считает неизбежным превращение марксизма в целую крону течений и версий и параллельно пытается дать собственную периодизацию марксистской мысли начиная с 1840-х годов, выделяя периоды подъемов и спадов ее активности.

В конце жизни Каутский называет основной чертой человечества непрерывный рост интеллекта, накопление всеобщего знания, и предсказывает, что переход к социализму начнется не с кризиса, а с процветания капитализма.

Советский вопрос

1

Как известно, «Эрфуртская программа» перевернула все в голове Феликса Дзержинского, навсегда сделав истового католика профессиональным революционером.

Троцкий читал полемику Каутского с Бернштейном в тюрьме и ссылке и так учился подлинной диалектике спора.

В 1907 году Сталин (под псевдонимом «Коба») написал предисловие к грузинскому изданию брошюры Каутского «Движущие силы и перспективы русской революции». Из предисловия Сталина получается, что по большинству принципиальных вопросов русской революции Каутский совпадает именно с большевиками, а не с меньшевиками. Ведущей силой этой революции является рабочий класс, а не буржуазия. Либеральная буржуазия, при всем ее презрении к самодержавию, не является надежным союзником рабочих. Главным союзником российского пролетариата станет крестьянство. Социал-демократам следует войти во временное революционное правительство.

Авторитет Каутского среди всех социалистов мира столь высок (его называли «Папа римский от марксизма»), что записать его во что бы то ни стало именно в свои союзники

– важнейший козырь в межфракционной внутрипартийной борьбе.

2

Рассмотрим отдельно долгую полемику Каутского с большевиками.

С 1915 года Ленин начинает критиковать Каутского за «опошление марксизма» и отказ от революционных методов классовой борьбы. Они по-разному понимают империализм. Ленин видит, что мир в целом поделен и вступает в эпоху мировых войн с неизбежным крушением прежней системы. Каутский предполагает, что после урока мировой войны будущий картельный сговор позволит крупнейшим владельцам капитала длить свою власть над планетой еще неопределенно долго.

Впрочем, поначалу Ленин пробовал не замечать назревших разногласий. Например, в его трактовке Каутский выступает не против баррикадных боев вообще, а только против прежней баррикадной тактики, не учитывающей новую военную технику. Это выглядит явной натяжкой, потому что Каутский прямо пишет, что при достигнутом развитии военной техники вообще никакой успех уличных баррикад более невозможен и у организованного народа остаются только более мирные методы воздействия на власть – выборы, демонстрации, забастовки.

А вот Петр Струве, наоборот, одним из первых заметил и подчеркивал разницу их воззрений, утверждая, что Ленин создает собственную версию марксизма, все более далекую от немецкой ортодоксии «марксистского Папы».

В итоге Ленин сделает вывод, что в 1910–1911 годах Каутский совершил подозрительный шаг к оппортунизму.

Каутский с восторгом поддержал Февральскую революцию в России. Отдельные надежды на большевиков у него оставались даже после октябрьского захвата власти в 1917 году, ведь большевики взяли эту власть вместе с эсерами и при некоторой поддержке анархистов. Но последние иллюзии исчезли после разгона Учредительного собрания, подавления Кронштадтского восстания и быстрого перехода советской системы к однопартийной модели.

После этих событий «марксистский Папа» считал большевиков авторитарными авантюристами, у которых никакого социализма не получится и их пример окажется для мира провальным и отрицательным.

3

В «Диктатуре пролетариата» Каутский приводит государство иезуитов в Парагвае как пример деспотического коммунизма, который вряд ли может стать образцом для подражания современных социалистов хотя бы потому, что у иезуитов была неустранимая интеллектуальная пропасть между

управляющими и управляемыми.

Главная идея этой работы Каутского – возможна демократия без социализма, но невозможен социализм без демократии. По-настоящему и до конца демократия нужна только народу, трудящимся массам, все остальные классы готовы будут от нее отказаться ради своих привилегий.

Каутский находит у Маркса цитаты, в которых тот допускает ненасильственный переход власти в руки рабочих в наиболее развитых странах мира.

Главные предпосылки социализма – концентрация производств, рост пролетариата, наличие в политике влиятельных левых сил.

В презрении к демократии нет никакой новейшей мудрости. Это презрение с самого начала было чертой заговорщиков в условиях отсутствия массовых пролетарских партий и сильных профсоюзов. Бланки и Вейтлинга, мечтавших о революционной диктатуре социалистического Мессии, Каутский объявляет вчерашним днем.

Демократия – это ничем не заменимое условие для вызревания коллективной готовности общества к социализму. Да и сам социализм по сути есть демократия, перенесенная из политики в экономику.

Политическая демократия сама по себе не решает классовых противоречий, движущих нынешнее общество, но только она дает возможность для перехода к новому социальному состоянию, в котором эти противоречия могут быть ре-

шены.

Демократия позволяет воздействовать на правящий класс через выборы, забастовки, демонстрации и газетную агитацию. Классовая борьба таким образом приобретает все более мирные формы. На определенном этапе демократия войдет в открытое противоречие с властью капитала и капитализм останется в прошлом, а демократия станет народной и социалистической. Каутский верит в то, что мир прямо сейчас, на его глазах вступает в этот этап своего развития.

Его главный упрек большевикам – их партийный контроль над Советами. «Диктатура пролетариата», т.е. власть целого класса производительных рабочих не может осуществляться в таких условиях, и неизбежно возникнет бюрократическая диктатура партийной элиты.

Начинать социалистическую революцию в преимущественно аграрной стране – дело обреченное, если только не рассчитывать на то, что эту революцию подхватят более развитые (в промышленном смысле) европейские соседи и она приобретет международный характер. Но Каутский видит все меньше подтверждений для столь грандиозных прогнозов.

Горький вывод Каутского – ни «вообще», ни конкретно в нынешней России методы большевиков не могут привести народ к социализму в марксистском понимании этого слова.

В ответной работе («Ренегат Каутский») Ленин называет автора «водолеем», «учителем гимназии» и даже «лакеем

буржуазии».

По мнению Ленина, Каутский ставит вопрос умозрительно, превращает буржуазную по сути демократию в отвлеченный «фетиш» в своем слепом стремлении объявить ее вовсе не буржуазной, а «демократией вообще». Эта умозрительность небескорыстна и маскирует классовый выбор Каутского в пользу реформизма, а реформизм в эпоху империалистических войн, рискующих перейти в международную революцию, фактически означает для Ленина переход на сторону классового врага.

Советская власть, по Ленину, есть новая форма демократии, за спиной которой больше не скрыта тайная власть капитала и его интересы.

Претензия от Ленина – классовая борьба по Каутскому не должна стремиться к скорейшему низвержению и упразднению буржуазии, эта цель должна быть отложена в неопределенное будущее и отдана на милость ее величества Демократии.

Государство в ленинской логике это всегда и прежде всего аппарат подавления одних классов другими, гарант угнетения и воспроизводства классовой власти. И никакая демократия тут ничего не изменит.

В заключительных строках своего ответного текста Ленин приветствует начавшуюся в Германии ноябрьскую революцию и создание там рабочих Советов, которые могут стать самым существенным аргументом против осторожной логи-

ки Каутского и в пользу радикальной логики Ленина.

Ленин вообще любил, чтобы революционная реальность вторгалась в его текст. Похожим образом он заканчивает «Государство и революцию», объясняя, что не будет писать ее дальше, потому что революция в России уже началась.

Теперь для Ленина принципиально важно размежеваться с Каутским и подвергнуть его уничтожительной критике, чтобы противопоставить создаваемый в Москве Коминтерн Второму интернационалу, который Каутский собрался возродить сразу после окончания мировой войны.

4

Выступил против Каутского и Лев Троцкий в работе «Терроризм и коммунизм» (критикуемая брошюра Каутского называлась так же).

Свою отповедь Троцкий писал в бронепоезде во время боев с Деникиным. Для него было архиважно дать срочный ответ авторитету марксистской мысли, бросившему обвинения большевистской власти.

Аргументация Троцкого такова: революция как формационный переход – это всегда катастрофа и трагедия для большинства людей. «Соотношение сил» – это универсальное меньшевистское заклинание, позволяющее вечно оставаться реформистом. Троцкий напоминает Каутскому его же собственные, гораздо более радикальные, суждения и прогнозы,

сделанные десять и более лет назад.

По Троцкому, террор как политическое насилие с целью запугивания бессилён, если применяется обречёнными классами против новых поднимающихся классов, но террор может быть эффективен, когда он применяется новыми, побеждающими классами против классов обречённых и реакционных, не желающих уходить со сцены и тормозящих общественное развитие.

В условиях революционной войны демократия и невозможна и никому не нужна. Культ выборов, свободы слова и фетишизация парламентаризма в таких условиях неуместны. Нельзя превращать марксизм в абстрактный пацифизм и неопределённый реформизм.

Троцкий отмечает, что в столь любимой Каутским Парижской коммуне контрреволюцию подавляли вполне насильственно и даже демонстративно брали заложников из числа вчерашних правящих слоёв.

Троцкий также защищает свой проект трудовых армий от критики Каутского, который считал введение всеобщей трудовой повинности очередным примером диктаторского насаждения «социализма» сверху.

В конце он описывает современных ему австрийских марксистов как школу людей, которые с большим глубокомыслием рассуждают о прошлом, могут проявлять теоретическую смелость в своих прогнозах будущего, но никогда не готовы к хоть сколько-нибудь решительным действиям в на-

стоящем.

Каутского Троцкий признает главой этой реформистской политической школы и называет «критическим приживальщиком буржуазии».

Заочная полемика Каутского и Троцкого продолжится и дальше вокруг грузинского вопроса.

К 1920 году Грузия была меньшевистской республикой, которой руководил Ной Жордания. Большевики контролировали 80% грузинского парламента. Там сохранялась многопартийность, по крайней мере для левых партий (включая местных большевиков), свобода печати, поддерживались контакты со Вторым интернационалом. Ненадолго Тифлис стал Меккой для богемы и авангардистов в диапазоне от Осипа Мандельштама до Алексея Крученых.

Каутский провел в Грузии три месяца и считал, что эта республика станет образцом демократического социализма и примером другого, не большевистского, результата революции на территории бывшей Российской империи.

Тогда же он пишет брошюру «Грузия. Социал-демократическая крестьянская республика».

По Каутскому, грузинский пролетариат осуществляет свою власть в форме демократии. «Марксистский Папа» в восторге и от грузинской земельной реформы (оставляют бывшим хозяевам ровно столько, сколько может обработать одна семья), и от кооперативного движения. В Грузии нет репрессий против духовенства. Там удалось избежать граж-

данской войны.

Конечно же, Каутский осуждал возможную советизацию Грузии, которая и произошла практически одновременно с выходом его «грузинской» брошюры.

Троцкий немедленно отвечает ему, и это будет, кажется, единственный случай, когда Сталин похвалит текст Троцкого как мастерский образец аргументации.

По Троцкому, Грузинская республика сначала пыталась заручиться военной поддержкой немцев, а потом Антанты, интриговала против красной Москвы, была готова к сотрудничеству с белыми, подавляла восстания в Абхазии и Осетии, преследовала местных большевиков, подозревая в них московских агентов, и т.п.

В целом Троцкий оценивал Грузинскую республику как мелкобуржуазную и нежизнеспособную, чем и оправдывал ее советизацию и большевизацию, в которых Каутский видел только «советский империализм».

Но и за пределами грузинской проблемы Троцкий и Каутский еще не раз полемизировали.

По Троцкому, нельзя научиться верховой езде, не вскочив для этого на лошадь. Он исходит из того, что и пролетариат, и партия, и весь мир неизбежно изменятся в процессе развития революции из мирового кризиса, а бесконечное ожидание «дозревания условий» – просто риторическая уловка умеренных, позволяющая максимально долго воспроизводить власть буржуазии.

Троцкий обвиняет Каутского в том, что он изъяснил вопрос о демократии из конкретного исторического расклада классовых сил. На это Каутский возражает, что именно сейчас, а не «вообще» демократия становится ничем не заменимым средством для освобождения трудящихся в условиях массовой печати, партийного строительства на местах, обратной связи между парламентом и электоратом. После крушения монархических режимов в условиях демократии организованный пролетариат и его партии должны защищать и совершенствовать республику, а не ниспровергать ее. Тот, кто отказался от демократии, откажется вскоре и от социализма, и ничего кроме «государственного капитализма», пусть и прикрытого красным флагом, из этого не получится.

Каутский обвиняет («От демократии к государственному рабству», 1922) Троцкого в том, что он находит школу социализма в войне и милитаризации народа. Для него, всю жизнь тяготевшего к пацифизму и мечтавшего о международном разоружении, это особенно нестерпимо. В основе большевистского презрения к демократии он видит тот факт, что коммунисты с их радикальной риторикой никогда не получают большинства на выборах, тогда как более осторожные и готовые к компромиссам социал-демократы запросто могут рассчитывать на парламентское большинство.

Парижская коммуна, по Каутскому, сохраняла основные демократические принципы и процедуры.

Чем более отсталой является страна, в которой вспыхнула

революция, тем важнее в ней будет роль заговорщиков, а не широких народных движений (Каутский приводит в пример Италию).

Он видит предтечу большевизма скорее в Нечаеве, чем в Марксе, и цитирует Розу Люксембург, критиковавшую Ленина за излишний «бюрократический централизм», который сковывает, как панцирь, возможности и устремления пролетариата.

По Каутскому, после революции заговорщические принципы, установленные Лениным внутри большевистской партии, были перенесены на общегосударственный уровень, а потом и на уровень международный (в Коминтерне).

5

Политический образец для Каутского – английский чартизм, его антипод – французский бланкизм, и большевики пошли именно этим, вторым путем.

Симпатии «марксистского Папы» однозначно на стороне меньшевиков, таких людей, как Мартов или Плеханов.

Большевизму он предсказывает неизбежное историческое крушение, которое надолго и во всем мире дискредитирует саму идею социализма.

В 1922 году Каутский утверждает («Пролетарская революция и ее программа»), что переходный период – это правление демократической коалиции, а вовсе не диктатура про-

летариата. Идеолог большевистской партии Бухарин в 1925 году объявит эту подмену окончательной «изменой марксизму». В этом смысле Каутского можно упрекнуть в возврате к лассальянству своей молодости.

Если говорить о консолидированном мнении партийного руководства, то лидеры большевиков решили, что, с одной стороны, Каутскому (как и меньшевикам) не хватило исторической диалектики, чтобы оценить всю смелость их парадоксальной стратегии, а с другой стороны, сама эта нехватка диалектики у признанного во всем мире марксистского ортодокса связана с его постепенным встраиванием в «нормальную» политику, все менее предполагающую возможность насильственных революций, а тем более гражданских войн.

С точки зрения Ленина и Троцкого, сама эта «нормальность» европейской парламентской политики есть хрупкий компромисс, который в любой момент может быть обнулен в пользу одного из борющихся классов. Западная демократия не абсолютная ценность, но только промежуточный финиш, недолгое состояние антагонистического общества в межреволюционные периоды его развития.

По Каутскому, у большевиков для социализма нет ни средств (демократическая политика), ни условий (уровень развития производств и классового сознания), а полагать, что все это возникнет по ходу в условиях партийной диктатуры над малограмотным аграрным населением, значит впадать в авангардизм, не подкрепленный ничем.

Для возникновения новых, социалистических отношений в обществе недостаточно ни экспроприаций, ни декретов, ни Красной армии.

Видный меньшевик – эмигрант Александр Потресов – поддержал Каутского в этой полемике в 1927 году.

6

В конце концов Каутский признает победивший в России большевизм партийным самодержавием.

В 1930 году он скажет о сталинизме, что это законченная форма бонапартизма и большевики напрасно сравнивают себя с якобинцами. Что же касается якобинского террора Французской революции как такового, то он вообще не должен повторяться в новых революциях XX века, без этого вполне можно обойтись.

В своей поздней работе «Большевизм в тупике» (1930) Каутский критикует раскулачивание, коллективизацию, систему колхозов и лишение профсоюзов последней самостоятельности. Он видит сталинизм как систему, главные задачи которой – сохранение власти партийной бюрократии любой ценой и постоянная имитация социализма насильственными методами, чтобы и дальше морочить весь мир.

Каутский критикует советскую конституцию как набор фиктивных прав, прикрывающий абсолютную власть партийного начальства, и обсуждает возможные сценарии кру-

шения большевистской власти.

В 1930-х годах он надеется, что Россия вернется к НЭПу и станет страной со смешанной экономикой, в которой конкурируют государственная, кооперативная, муниципальная и частная собственность.

В советских источниках Каутского считали фактическим идеологом «рабочей аристократии», удобно вписавшейся в европейский капитализм.

Советская критика обычно упрекала Каутского в «экономическом объективизме» и недооценке «субъективного фактора», т.е. в излишнем доверии к логике истории, которая не требует волевого вмешательства.

Тем не менее отдельные работы Каутского, написанные до его пресловутого «рenegатства» и разлада с большевиками, переиздавались в Советской России в 1920-х годах и даже позже.

Наследие и «Экономическое учение»

Фигура Каутского принципиально важна для становления немецкой и австрийской социал-демократии. Его идеи и тексты лежат в основе этой респектабельной политической традиции.

Каутский сохраняет актуальность и для нового поколения левых. Так, например, Бхаскар Санкара, редактор американского журнала «Jacobin» и один из теоретиков нынешних марксистов в США, в своем манифесте («Социалистический манифест», 2019) призывает вернуться к идеям Каутского

времен Второго интернационала и черпать в них вдохновение для дальнейших преобразований.

Вместе с тем для ортодоксальных коммунистов советской ориентации Каутский навсегда останется «рenegатом» и примером марксистского теоретика, не принявшего революции и скрывшего за пышной фразой свою политическую беспомощность.

Но кем бы ни считать его – отступником, прекрасодушным кабинетным мечтателем или основоположником ответственной и реалистичной социал-демократической традиции в современной политике, который под влиянием истории отказался от идеи насильственной революции, – никто и никогда не отрицал достоинств его конкретной книги «Экономическое учение Карла Маркса».

Недаром в России еще в 1890-х годах сложился местный канон понимания «Капитала»: первый том трактовали по Каутскому, второй – по Сергею Булгакову, третий – по Бернштейну.

«Экономическое учение» образует глоссарий, предельно внятное объяснение оригинальных терминов, предложенных Марксом в «Капитале». Каутский игнорирует весьма сложную повествовательную структуру «Капитала» ради того, чтобы уменьшить объем и облегчить понимание. Для многих его толкование стало идеальной заменой «Капитала» и достаточным экскурсом в мир марксистской политэкономии.

Опираясь в основном на первый том «Капитала», Каутский дает систему базовых понятий, разделив свою книгу на три части, от товарно-денежной матрицы к загадке прибавочной стоимости и потом уже к объяснению прибыли и заработной платы.

Что такое товарное производство как общественная функция?

В чем заключается фетишистский характер товарной формы?

Откуда берется стоимость и чем отличается потребительная стоимость от меновой?

Что заставляет колебаться рыночные цены и к чему они в итоге сводятся?

Как цеховое ремесло превращается в рыночное?

Зачем нужна резервная армия трудящихся?

Каковы разные функции и виды денег?

К чему прибавлена прибавочная стоимость, из которой рождается капитал?

Как тайна эксплуатации скрыта под видом продажи рабочего времени?

Каутский старается последовательно отвечать на эти вопросы – так, как это сделал бы Маркс в некоем идеальном политэкономическом диалоге. Иллюстрирует рассуждения наглядными примерами из жизни племен или уличной лавки и условного работника. Отвечает на уже прозвучавшую с момента выхода «Капитала» критику, показывая, что оппонен-

ты опровергают воображаемого Маркса. Ставит в пример чартистов и успехи Первого интернационала, т.е. включает в текст политические достижения социалистов как подтверждение справедливости марксистского анализа всей системы.

Заканчивает он причинами, которые неизбежно приведут человека к отказу от рыночной анархии в пользу сознательной и планомерной организации общественного производства. И в последней строке цитирует «Анти-Дюринг» своего учителя Энгельса о грядущем наступлении новой эпохи в нашей истории.

Алексей Цветков

Отдел первый. Товар, деньги, капитал

Глава первая. Товар

1. Характерное отличие товарного производства

В своем труде «Капитал» Маркс исследует *капиталистический способ производства*, господствующий в настоящее время. Он не занимается при этом *законами природы*, лежащими в основе процесса производства; их исследование представляет собой одну из задач механики, химии и т. д., а не политической экономии. Не ставит он себе также задачей исследование только тех форм производства, которые общи всем народам. Подобное исследование может привести большей частью лишь к общим местам вроде того, что для производства человеку всегда необходимы орудия, земля и средства к жизни. Наоборот, Маркс исследует законы движения определенной формы общественного производства, свойственной определенной эпохе (последним векам) и определенным народам (европейским или вышедшим из

Европы; за последнее время этот способ производства начинает приобретать права гражданства и у других народов, например у японцев и индийцев).

Этот господствующий ныне способ производства – капиталистический. Его особенности мы изучим ближе впоследствии. Он резко отличается от других способов производства, например от феодального, господствовавшего в Европе в Средние века, или от первобытно-коммунистического, общего всем народам на пороге их развития.

Рассматривая современное общество, мы находим, что его богатство состоит из *товаров*. Товар есть продукт труда, произведенный не для *собственного потребления* производителя или связанных с ним лиц, а с целью *обмена* его на другие продукты. Следовательно, не *природные*, а *общественные* особенности продукта делают его товаром.

Поясним это примером. Пряжа, которую прядет из льна девушка в патриархальной крестьянской семье, чтобы соткать затем холст, потребляемый самой же семьей, есть *предмет потребления*, а не *товар*. Но когда прядильщик прядет лен, чтобы обменять у соседнего крестьянина пряжу на пшеницу, или когда фабрикант заставляет рабочих изо дня в день прядь много центнеров льна, чтобы продавать потом получаемый продукт, то этот продукт является уже *товаром*. Конечно, он является вместе с тем и предметом потребления, но таким предметом потребления, которому предстоит играть особенную общественную роль: он должен быть об-

менен.

По внешнему виду льняной пряжи нельзя узнать, является ли она товаром или нет. Природа ее может быть совершенно одинаковой, приготовлена ли она крестьянской девушкой для своего приданого или же фабричной работницей, которая, вероятно, никогда не воспользуется из нее ни одной ниткой. Только по общественной роли пряжи, по *общественной функции*, выполняемой ею, можно узнать, является ли она товаром или нет.

В капиталистическом обществе продукты труда все в большей и большей мере принимают форму товаров. Если в настоящее время еще не все продукты труда являются у нас товарами, то лишь потому, что рядом с современным способом производства существуют различные остатки прежних способов производства. Если отвлечься от этих остатков, то можно сказать, что в *настоящее время все продукты труда принимают форму товаров*. Чтобы понять современный способ производства, необходимо уяснить себе сущность товара. Мы должны поэтому начать с исследования товара.

Понимание этого исследования будет, по нашему мнению, очень облегчено, если мы прежде всего изложим характерные особенности товарного производства, отличающие его от других способов производства. Таким путем мы легче всего поймем ту позицию, с которой Маркс исследовал товар.

Как бы далеко мы ни заглянули в прошлое челове-

ского рода, мы всегда находим, что люди для добывания средств к жизни всегда объединялись в общества больших или меньших размеров, что производство всегда носило *общественный* характер. Это было разъяснено Марксом уже в его статьях «Наемный труд и капитал», помещенных в «Новой рейнской газете» в 1849 г. и изданных затем отдельной брошюрой.

«В производстве люди воздействуют не только на природу, но и друг на друга. Они не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью. Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только через посредство этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство.

В зависимости от характера средств производства эти общественные отношения, в которые вступают производители друг к другу, эти условия, при которых они обмениваются своими работами и участвуют в совокупном производстве, будут, конечно, различны. С изобретением нового орудия войны, огнестрельного оружия, неизбежно изменилась вся внутренняя организация армии, преобразовались те отношения, при которых отдельные личности образуют армию и могут действовать как армия, изменилось также отношение различных армий друг к другу.

Итак, общественные отношения, при которых произво-

дят индивиды, общественные производственные отношения, изменяются, преобразуются с изменением и развитием материальных средств производства, производительных сил. Производственные отношения в своей совокупности образуют то, что называют общественными отношениями, обществом, и притом образуют общество, находящееся на определенной ступени исторического развития, общество со своеобразным отличительным характером» («Наемный труд и капитал», К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения в двух томах, 1955, т. I, стр. 63).

Иллюстрируем сказанное несколькими примерами. Возьмем какой-нибудь первобытный народ, который стоит на низшей ступени производства и для которого охота составляет главный способ добывания пищи, например индейцев¹. Додж в своей книге «О современных индейцах Дальнего Запада» сообщает следующее об их способе охоты:

«Так как к голове и сердцу обращаются за помощью лишь изредка, а требования желудка дают о себе знать беспрестанно, то племя находится обыкновенно под господством “третьего сословия”. Это сословие составляют все охотники племени, образующие род цеха или гильдии, и их решения в области их специальности безапелляционны.

У племени шейенов люди эти называются “воины-собаки”. Более молодые и деятельные вожди всегда принадлежат к этим “воинам-собакам”, но последние не беспрекословно подчиняются им. Воины сами обсуждают и решают общие

дела, а выполнение решений возлагается на наиболее прославленных и способных охотников, избираемых ими из своей же среды. Среди этих “воинов-собак” находится и многочисленная молодежь, еще не выдержавшая испытания, необходимого для посвящения в воины. Одним словом, этот цех охотников охватывает всю рабочую силу племени и является той силой, которая защищает женщин и детей и снабжает их пищей.

Каждый год осенью устраиваются большие охоты, чтобы добыть возможно больше дичи и заготовить на зиму значительный запас мяса. Тут “воины-собаки” являются героями дня, и горе несчастному, который осмелится ослушаться или пренебречь хотя бы самым незначительным из их распоряжений, демократических или своевольных. Когда все готово, лучшие охотники отправляются в путь рано утром, задолго до рассвета. Если они откроют несколько стад буйволов, то для первого нападения избирается стадо, положение которого таково, что предварительные приготовления и маневры для окружения, крики и выстрелы при нападении не вспугнут остальные стада.

В это время мужчины, способные принять участие в предстоящей охоте, собираются верхом, молча и дрожа от волнения, где-нибудь в соседней долине, расположенной вне поля зрения буйволов. Когда стадо оказывается в удобном для охоты положении, руководители охоты отбирают соответствующее число людей и посылают их на заранее наме-

ченные места. Когда затем руководитель видит, что каждый занял надлежащее место и все уже готово, он с отрядом всадников стремится окружить стадо и отрезать его от открытого места. Затем он подает сигнал, и вся ватага со страшным криком, который, кажется, даже мертвого мог бы поднять из гроба, бросается вперед на животных. В продолжение нескольких минут бойня в полном ходу; немногим буйволам удастся прорвать цепь и ускользнуть, но их не преследуют, если вблизи находятся другие стада.

В те времена, когда индейцы употребляли только лук и стрелы, каждый воин знал свои стрелы и мог без труда узнать убитых им буйволов. Они составляли его личную и полную собственность, за исключением известной доли, которая шла в пользу вдов и семейств, не имеющих воина-кормильца. Если в убитом буйволе оказывались стрелы нескольких охотников, то вопрос о принадлежности добычи решался в зависимости от положения стрел. Если каждая из стрел причинила смертельную рану, то буйвола делили на части или нередко присуждали какой-нибудь вдове. Все подобные вопросы разрешались руководителем охоты, причем его решения можно было обжаловать перед общим собранием “воинов-собак”.

С тех же пор, как огнестрельное оружие вошло во всеобщее употребление и в силу этого стало невозможно узнать, кем именно убит тот или другой буйвол, индейцы стали более коммунистичны² в своих воззрениях, и все количество добытого мяса и шкур подвергается теперь относительно

равному разделу, на основании того или иного мерила собственного изобретения».

Мы видим, что у этого охотничьего племени производство является *общественным*; различного рода работы исполняются совместно с целью достижения общего результата.

Здесь мы уже находим зачатки разделения труда и планомерного сотрудничества (кооперации)¹.

Сообразно своим способностям охотники выполняют различные работы. Но все совершается по общему плану. Охотничья добыча является результатом совместного исполнения различных работ – «обмена деятельностью», как выражается Маркс в «Наемном труде и капитале». Эта добыча не *обменивается*, а *делится*.

Отметим здесь лишь мимоходом, как изменение в средствах производства – замена лука и стрел огнестрельным оружием – влечет за собой также изменение в способе распределения.

Рассмотрим теперь другой, более высокий вид общественного производства, например основанную на земледелии *ин-*

¹ «Та форма труда, при которой много лиц планомерно работает рядом и во взаимодействии друг с другом в одном и том же процессе производства или в разных, но связанных между собой процессах производства, называется кооперацией» («Капитал», т. I, стр. 337). Немного далее Маркс в одном примечании говорит: «Ленге в своей работе «*Thorie des Lois Civiles*», быть может, не без основания называет охоту первой формой кооперации, а охоту на людей (войну) – одной из первых форм охоты» («Капитал», т. I, стр. 346).

дийскую сельскую общину. От первобытного коммунизма, господствовавшего в ней когда-то, теперь в Индии сохранились лишь жалкие остатки. Но Неарх, начальник флота Александра Македонского, сообщал еще, по словам Страбона, о местностях в Индии, где земля была общей собственностью, сообща обрабатывалась и по окончании уборки урожая делился между членами общины.

По Эльфинстону, такие общины существовали в некоторых частях Индии еще в начале XIX столетия. На Яве сельская община продолжает еще существовать в определенной форме: время от времени вся пахотная земля подвергается переделу между жителями села. Они получают свои участки не в частную собственность, а лишь в пользование на известный срок. В Индии пахотная земля большей частью уже перешла в частную собственность отдельных крестьян. Леса же, луга и пустоши составляют еще зачастую общую собственность, право пользования которой имеют все члены данной общины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.